

О ПОТЕНЦИАЛЕ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА

Б. В. Кабылинский

Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Поступила в редакцию 7 октября 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается малоизученная область социально-философского знания о конфликте в различных культурных вариациях. Ввиду очевидного недостатка теоретико-методологических разработок по данному вопросу предлагается внести следующие предложения. Во-первых – рассматривать эпистемологию в качестве надежного ориентира для определения специфики алгоритмов действия конфликтующего субъекта в той или иной форме культурного генезиса. Во-вторых – ввести в научный оборот термин «эпистемологическая программа» для фиксации модификаций конфликтных процессов в постсовременном дискурсе.

Ключевые слова: эпистема, конфликт, постсовременность.

Abstract: the article is an attempt to research almost non-discovered nature of social and philosophic essence of being in conflict. Due to the lack of theory and practice in this field the main idea of the article is the following. Firstly, epistemology can be used as the methodological basis for determining algorithms of behavior in conflict depending on types of culture. Secondly, «epistemology program» is a valuable definition of conflict process modifications in so-called postmodern episteme.

Key words: episteme, conflict, postmodern.

Исследователи феномена «конфликт» в российской науке, как правило, фокусируются на изучении форм апперцепированного восприятия этого способа Я утверждать свое бытие. Соответственно, с позиций философского подхода к рассматриваемой тематике мы можем зафиксировать определенную пустоту в системе знания о конфликте как феномене. Вполне логично, что решение этой задачи относится к компетенции собственно феноменологического подхода и другой, вспомогательной методологии. В данной статье мы постараемся сфокусироваться на другом не менее важном и также совершенно неопределенном вопросе принципиального характера для современной теории конфликта: как можно упорядочить постоянно эволюционирующие концепты, содержащие зачастую диаметрально противоположную информацию о конфликте, в рамках единой непротиворечивой теории, охватывающей максимально значительное число форм генезиса культуры? Иными словами, мы вплотную приближаемся к заявленной проблематике статьи, разумеется, методологического характера – о пригодности эпистемологической платформы для построения теории конфликта, вмещающей не только

сформировавшиеся, традиционные, но и приходящие, инновационные представления об этом сложном феномене.

Прежде всего, при выборе методологии для современной теории конфликта важным аргументом в пользу эпистемологии является тезис Мишеля Фуко, согласно которому история возвращается к своей собственной истине через методологическое уточнение в культурных формах соответствующей эпохи [1, с. 255]. Фактически речь идет о том, что различные эпистемы представляют собой примеры вариативности культуры, генезис которой, в числе прочего, детерминирован формами конфликтного поведения. При этом, несмотря на то что каждая последующая эпистема является уникальной по отношению к предыдущей ввиду неповторимости системообразующих представлений о том, как следует вести себя в конфликте, эпистемологическая сетка всегда крепко удерживает в качестве центральных понятий конфликт, его причины, предупреждение, урегулирование, разрешение, последствия. Заметим, что непрерывность структуры знания о конфликте отличается фундаментальностью и непрерывностью, а ее модификации подчинены единой логике. В данный момент мы не будем акцентировать внимание на вспомогательных элементах структуры знания о конфликте и подвергать их детальному анализу. Пока что мы ограничимся утверждением того, что выбор четкого эпистемологического ориентира может оказаться полезным для определения специфики алгоритмов действия конфликтующего субъекта в той или иной форме культурного генезиса. В основе такого вывода – приведенное обоснование универсальности эпистемологической методологии для различных типов культуры и «прочности» эпистемологической сетки, способной «выдерживать вес» новых концептов, усложняющихся по мере повышения уровня общественного прогресса.

Основной вызов, на который призвана ответить эпистемологическая методология в рамках современной теории конфликта, – это способность зафиксировать широкий спектр модификаций конфликтных процессов и технологий их разрешения в постсовременном дискурсе. Достижению этой цели служит введение в научный оборот термина «эпистемологическая программа разрешения конфликтов».

В самом общем виде эпистемологическая программа разрешения конфликтов может быть определена как алгоритм воздействия на конфликтную ситуацию, мотивированный пониманием субъекта некоей данности в качестве ее возможности быть бесконфликтной или неконфликтной. При этом познавательная способность субъекта конфликто-разрешения никоим образом не статична в плане познавательной способности, и тем более он не пассивен в отношении культурной среды. Знания субъекта постоянно модифицируются, при этом изменяется и эпистема, а в широком смысле слова – культурный дискурс. Иными словами, эпистемологические программы разрешения конфликтов существуют не в виде статичных понятий, но в определенной динамике. Они

суть определенные алгоритмы, сценарии, в рамках которых проявляет себя субъект, нацеленный на реализацию своего знания о том, каким образом следует видоизменить бытие-в-конфликтности.

Несомненная польза эпистемологических программ для современной теории конфликта состоит в том, что они отличаются высоким потенциалом применимости в качестве инструмента научного познания постсовременного конфликтного дискурса. Например, термин «эпистемологическая программа» удачно фиксирует популярные в постструктуралистском дискурсе модусы поведения, сообразно которым субъекты конфликта либо максимально приближаются сами к себе, либо бегут от своего Я в лабиринты искусственно сконструированной повседневности. Эти два варианта алгоритмов конфликтного поведения, которые мы обозначим как эпистемологические программы разрешения конфликтов, необходимо рассмотреть более основательно.

Эпистемологические программы, нацеленные на обретение конфликтующим Я своей самости, в широкой практике применяются редко. Такие алгоритмы, как правило, лишают повседневность статуса убежища для присутствия, в предложенном М. Хайдеггером смысле, в котором оно могло бы быть самим собой. Повседневность перестает быть нормой, которой присутствие измеряет себя в настоящем дне, соответственно, несобственная историчность присутствия утрачивает актуальность. В этом случае конфликтующий субъект начинает слышать хайдеггеровский зов совести, призывающий реализовать способность быть собой, и автоматически утрачивается престиж публичности. Иными словами, подобные эпистемологические программы подрывают устойчивость социально-политической структуры. Например, ранняя христианская парадигма предполагает концентрацию верующих на смысле собственного существования и призывает направить все усилия на решение главной, трансцендентной по отношению к миру, задачи – обретение неземной свободы Я в единстве с Всемогущим и совершенным Богом [2, с. 48]. Интересную программу наметил С. Кьеркегор, предлагая «преодолеть непрерывность греха», подменяющего в обыденности непрерывность жизни. Понятие «грех» здесь означает неведение, незнание себя, отчаяние перед Богом, в конечном счете – нежелание или неспособность быть самим собой. С. Кьеркегор настаивает на том, что следует воспитывать население, развивая способность быть, но цена этого – прозрачность бытия к смерти. Таким образом, воспитывать волю к бытию следует через страх: «возможность свободы, только такой страх абсолютно воспитывает силой веры, поскольку он пожирает все конечное и обнаруживает всю его обманчивость» [там же, с. 114]. С. Кьеркегор критикует повседневность как способ бытия и исследует возможность поворота к образованию Я сообразно своей бесконечности, т. е. падению Я в свои собственные возможности, а не публичность. В этом случае страх становится для экзистенции прислуживающим духом, который даже против собственной воли вынужден вести его туда, куда он, охваченный страхом, хочет идти.

Иными словами, страх утрачивает ценность сам по себе, но обретает ее как путь к вере, обнаруживающий для Я собственную судьбу в максимально доступной ясности. Естественно, что воспитание страхом, по плану С. Кьеркегора, наделяет человека излишней свободой с точки зрения ориентированного на собственное благополучие коллективного начала. Поэтому такие эпистемологические программы на практике, как правило, аннигилируются или меняются до неузнаваемости, когда используются для достижения качественно иных целей, что, например, отмечает Л. Н. Толстой по поводу несоответствия истинного учения Христа логике действий слугителей православной церкви [3, с. 56–59].

Востребованность эпистемологических программ, ничтожащих способность конфликтующего Я быть своей самостью, существенно выше. Основная идея состоит в том, что присутствие принуждается к фактическому экзистированию, не достигая при этом своего ради-чего в повседневности бытия. Эти программы разрешения конфликтов построены на лжи, поскольку вот-бытие исчезает из понимания в своей непотаенности, сущее не познается как таковое, активно выдается за то, что оно не есть, иначе говоря, перестает быть истинным. Уместно указать, что М. Фуко высказывается об утрате экзистенцией своей истины, т. е. ситуации, когда человек оказывается вне собственной сущности, как о форме безумия [4, с. 23–29]. Присутствие в повседневности подобно безумцу, который заключается в свою собственную истину, отчуждаясь в ней от самого себя. И как разум безумца сводится к истине безумия, точно так же присутствие размыкается только в несобственной истине повседневности. Если использовать более мягкую формулировку, чем безумствование в собственной не-самости, то мы можем определить Я-в-конфликтности через падение в самообман, т. е. утверждение тождества того, чем оно является, способу небытия того, чем присутствие не является. Ж.-П. Сартр отмечает, что в повседневности распространяется неверие в то, во-что-веришь сам, причем подмена самости публичностью происходит даже на ценностном уровне: мы начинаем осуществлять действия перед полаганием возможностей, а не наоборот, и свобода превращается в мощную разрушительную силу, уничтожающую возможности Я, которые и есть свободный индивид [5, с. 220–228]. Точно так же этическая тревога, в центре которой Я в первоначальном отношении к ценности, в повседневности замещается бытовой нравственностью, а свобода не решается быть основанием ценностей, более того, сомневается в их необходимости.

Общественная значимость потребности в эпистемологических программах разрешения конфликтов, скрывающих достоверность бытия от присутствия, принимающего в итоге ложное за истинное в своей повседневности, вполне очевидна. Эти программы предназначены для достижения оптимального результата регулирующего воздействия на конфликт, цель которого не сводится к снятию существующего противоречия, но скорее наоборот, за счет искусственного усиления конфликтной

активности, третья заинтересованная сторона предполагает получить определенную выгоду. Реализация таких эпистемологических программ в современном конфликтном дискурсе сводится, как правило, к двум основным этапам: подготовительному и основному.

На первом этапе реализации эпистемологической программы «Управляемая конфликтность» решается задача по забрасыванию индивида в несамостоятельную, изолированную, но при этом равнозначную по отношению к соприсутствию публичность. Иными словами, все люди должны быть одинаковы в безразличности экзистирования по способу повседневности, а не раскрытия возможностей собственного Я. Таким образом, принудительно формируется общество, в перспективе порождающее только управляемую конфликтность, соответствующую целям субъектов внешнего регулирующего воздействия на конфликтные ситуации.

На втором этапе реализации программы, как правило, предполагаются трансформация структуры национальных экономических, политических, социально-культурных, информационно-психологических пространств участников политических отношений в соответствии с собственными принципами формирования информационно-политической картины мира; достижение военно-политического превосходства и безусловного лидерства в сфере международных отношений; достижение целей национальной экономической, идеологической, культурной, информационно-психологической экспансии и т. д. С философской точки зрения, речь идет о переходе к определению экзистенции через небытие, фундированию бытия присутствия через собственную ничтожность. Я всегда становится тем, чем оно озаботилось, и здесь оно поглощено своей виной, повинностью, задолжанием другому того, на что он имеет претензию. Гипотетически, если некая социально-культурная общность не соответствует в своей конфликтности определенной специфике публичности бытия друг-с-другом, но претендует на самостоятельность и раскрытие своей собственной самости, то тогда Я-в-конфликтности принудительно научается способу быть в качестве основания изъяна в другом присутствии. Естественно, снятие этого изъяна предполагается в качестве обязательного, неперемennого условия возвращения якобы виновного в этом Я к «истинному» пониманию самого себя.

Литература

1. Фуко М. Ранние работы / М. Фуко ; пер. с франц. О. А. Власовой. – СПб. : Владимир Даль, 2015.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет : пер. с дат. / С. Кьеркегор. – М. : Республика, 1993.
3. Толстой Л. Н. Исповедь. В чем моя вера? / Л. Н. Толстой. – Л. : Худож. лит., 1991.

4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – М. : АСТ, 2010. – С. 23–29.

5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М. : Республика, 2000.

Северо-Западный институт управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Кабылинский Б. В., кандидат философских наук, доцент факультета таможенного администрирования и безопасности

E-mail: boris_kabylinский@mail.ru

Тел.: 8 (905) 228-53-35

North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, under the President of Russian Federation

Kabylinский B. V., PhD in Philosophy, Associate Professor of the Customs Administration and Security Faculty

E-mail: boris_kabylinский@mail.ru

Tel.: 8 (905) 228-53-35